

— Киноимператор Сяо?

Заметив, что с ним что-то не так, ассистент тут же раскрыл над его головой зонт и протянул бутылку минеральной воды:

— Босс, вам нездоровится?

— Все в порядке.

Киноимператор Сяо ответил лишь спустя пару секунд. Возможно, он слишком глубоко погрузился в роль: в тот миг, когда на него посмотрел Ши И, Сяо показалось, будто он сам превратился в Лэн Е из сценария.

Стоило Ши И оказаться перед ним, как Сяо охватывала странная растерянность. В одно мгновение он умялся, теряя способность здраво рассуждать.

Но пугало другое: глядя в чистые, незамутненные глаза юноши, в которых отражался лишь он сам, Киноимператор Сяо ощутил, как в душе зарождается смутная тревога.

«Но как такое возможно?»

Ши И — всего лишь программный код в виртуальном мире, бездушный набор алгоритмов, лишенный чувств. Почему же тогда Сяо показалось, будто тот едва сдерживает грусть? Почему возникла навязчивая мысль, что юноше ведома вся правда? И откуда вдруг взялось это щемящее чувство...

Чувство вины.

Уловив скрытый подтекст в измененной Ши И реплике, Киноимператор Сяо взрастил в своем сердце крошечное зерно сомнения. Едва различимое, почти незаметное, но живое.

— Не зря тебя зовут Киноимператором, глаз у тебя наметан, — к Сяо подошел режиссер средних лет и по-дружески положил руку ему на плечо. — А Ши И действительно хорош. И зачем только он полез в то глупое шоу? Если бы сразу пошел в актерство, его репутация не оказалась бы на самом дне.

—... Да, он хорош, — согласился Киноимператор Сяо, мельком взглянув на режиссера.

Лицо его уже приняло привычное невозмутимое выражение, не выдавая ни единой эмоции, однако судорожно сжатые кулаки выдавали бурю, бушевавшую в душе.

«Это просто иллюзия. Я сам себя накручиваю».

Он твердил себе это раз за разом. Лишь благодаря этому спасительному самовнушению ему удавалось сохранять маску холодного спокойствия.

— Хотя, конечно, ему еще работать и работать. Но самородок редкий, грех упускать, раз уж он попал в мои руки. Обязательно займусь его продвижением, — задумчиво протянул режиссер, глядя на Ши И, и тут же довольно усмехнулся: — Если он удержит эту планку, мы снимем все гораздо быстрее намеченного срока.

Слова режиссера оказались пророческими: съемки продвигались с невероятной скоростью. Поскольку Ши И присоединился к актерскому составу позже остальных, сцены без его участия были практически отсняты. Теперь оставалось запечатлеть эпизоды с его непосредственным присутствием, причем львиная доля экранного времени отводилась именно его персонажу.

Режиссер понимал, что юноша талантлив, однако даже его поразила легкость, с которой тот работал. Он ожидал, что Ши И потребуется уйма времени, дабы вжиться в сложную психологическую роль и понять мотивы своего героя, но юноша превзошел все ожидания.

Роль Ши И была крайне специфической, построенной на резких, глубоких контрастах. Глядя на монитор камеры, режиссер не мог сдержать удовлетворенной улыбки.

Та единственная встреча навсегда лишила Лэн Е покоя. Вопреки всем обетам совершенствования, он стал частым гостем в кварталах красных фонарей. Юный заклинатель ни к чему не прикасался — он лишь молча созерцал прекрасного юношу и смотрел, как окружающие добровольно тонут в пучине порока ради мимолетной улыбки своего кумира.

Так продолжалось до тех пор, пока правитель смертных, ослепленный алчностью, не возжелал забрать прославленного на весь мир красавца в свой гарем.

— Зачем ты притащил его в Мир совершенствующихся? — раздался в ушах недовольный голос младшего соученика. — Если не хотел, чтобы его принудили стать налогом, достаточно было явить императору силу заклинателя и вынести предупреждение. К чему эти крайности? Смертным путь в наш мир заказан, ты ведь прекрасно это знаешь!

— К тому же Бессмертный лорд Облачного Великолепия уже давал на этот счет четкие указания. Случись что, он сам бы во всем разобрался. А ты кто такой? Жалкий мелкий практик, решивший поиграть в спасителя!

— Но разве ты сам не говорил, что слухи лгут, и Бессмертный лорд Облачного Великолепия едва ли с ним знаком? — возразил Лэн Е.

Соученик поперхнулся от возмущения. Его лицо пошло багровыми пятнами:

— Какая же ты упрямая овца! Как бы там ни было, твое самоуправство нарушит покой Мира совершенствующихся. Из-за этого мальчишки начнется смута!

Опасения соученика подтвердились мгновенно. С появлением юноши в обители все полетело кувырком.

Верховный старейшина вознамерился сделать его своим личным учеником вопреки всем правилам. Сын главы ордена поклялся разделить с ним собственную жизнь, лишь бы заключить священный союз, а лучшие ученики бросили тренировки и отправились на поиски редчайших сокровищ земли и неба, надеясь заслужить его благосклонность.

Однако прекрасный гость отверг каждое предложение — спокойно, безучастно, с неизменной печатью равнодушия на лице.

— И как ты собираешься его защищать? — сокрушался соученик, хмуря брови. — Из-за него половина ордена теперь точит на тебя зубы. Тебе не удержать это сокровище. С каждым днем ты все сильнее мозолишь им глаза, и очень скоро они просто избавятся от тебя как от помехи!

— Но это я привел его сюда. Значит, мне и отвечать, — упрямо гнул свое Лэн Е.

На самом деле он и сам не понимал, почему раз за разом заслоняет юношу от похотливых и завистливых взглядов. Однако под градом упреков раздосадованного соученика ему оставалось лишь цепляться за это благородное оправдание:

— Не заberi я его тогда из дворца, он бы не оказался в этой ловушке.

— Дурак ты... — обреченно вздохнул соученик, покачав головой. — Моя вина. Не надо было советовать тебе вкусить мирских утех.

Лэн Е угасал. Смертельный недуг подтачивал его силы, и об этом угасании знали все — от самого юноши до последнего адепта их ордена.

Но он не желал сдаваться смерти без боя. А теперь, когда рядом появился этот таинственный юноша, жажда жизни вспыхнула в нем с новой, неистовой силой.

Ради этого ему пришлось покинуть стены родной обители.

Он отправился странствовать по бескрайнему Миру совершенствующихся в надежде отыскать способ предстать перед великим Бессмертным лордом Облачного Великолепия. И во всех скитаниях его неизменно сопровождал прекрасный молчаливый спутник.

Казалось, для юноши не имело значения, где находиться — среди суетных смертных или среди горделивых практиков. Его лицо оставалось безмятежным, а взгляд — холодным и отрешенным, какие бы бури ни бушевали вокруг.

В самые тяжелые минуты Лэн Е достаточно было бросить взгляд на своего спутника. Это ледяное спокойствие странным образом утихомиривало его собственный страх, даруя умиротворение.

Путь духовного восхождения требовал колоссальных сил. Чем дальше они продвигались, тем яснее Лэн Е понимал, насколько узок был его прежний кругозор и насколько ничтожным, затерянным на задворках мироздания казался его родной орден.

Впрочем, удивляться тут было нечему: между миром бессмертных и миром смертных лежала непреодолимая пропасть. Родители Лэн Е были обычными людьми. Они истощили все свои скромные запасы, задействовали все возможные связи лишь для того, чтобы пристроить сына в орден, который в глазах истинных мастеров считался жалким прибежищем для бесталанных неудачников.

Постепенно, крупичка за крупичкой собирая древние предания, Лэн Е начал осознавать, что его скорая смерть — вовсе не случайный каприз судьбы.

— Телосложение Небесного Единства? С чего вдруг ты вспомнил о нем? — предостерегающе шептали ему старые странники. — Это же проклятое клеймо, запретное знание! Разве ты не слышал, что некогда сам Демонический Владыка обладал им?

— В наши дни носителей этого проклятия уже не сыскать. Считается, что рожденные с ним обречены угаснуть в юности, а их духовные корни настолько слабы, что у них нет ни единого шанса пойти наперекор воле небес. — Собеседник тяжело вздохнул и покачал головой: — И мало кто помнит, что в незапамятные времена это телосложение почиталось как величайший дар. Те, кто обладал им, совершали прорывы один за другим, продвигаясь в развитии с невероятной скоростью.

— Что же изменилось? — затаив дыхание, спросил Лэн Е.

— Говорят, Демонический Владыка разгневал небеса своим богохульством, осквернив божественный лик, и кара пала на весь его род.

— Да, великий грешник... В молодости он ведь был непревзойденным гением из древнего клана, им все восхищались. Жаль только, что свернул на путь тьмы и погубил себя.

Рожденные с Телосложением Небесного Единства обречены умереть молодыми.

И именно это клеймо носил на себе Лэн Е.

Он полагал, что скорая кончина — единственная плата за проклятие, но вскоре осознал масштаб своего заблуждения.

Лэн Е стал первым носителем этого проклятия со времен гибели Демонического Владыки. И единственным, кому удалось перешагнуть порог двадцатилетия и продолжить цепляться за жизнь вопреки законам природы.

Преодолев бесчисленные преграды, он сумел заручиться покровительством величайшего ордена Мира совершенствующихся. Однако из-за своей дружбы с прекрасным незнакомцем он успел нажить себе сонм завистников, и его тщательно оберегаемая тайна была раскрыта и выставлена на всеобщее обозрение.

— Неужели он — перерождение того самого чудовища?

— Это же проклятое отродье. Держитесь от него подальше!

— Почему небо до сих пор не покарало его смертью?

Когда травля достигла предела, Лэн Е наконец предстал перед тем, кого боготворил весь мир — перед Бессмертным лордом Облачного Великолепия. Преисполненный трепета и надежды, юноша склонился в поклоне, видя в нем свое единственное спасение. Но не успел он произнести и слова просьбы, как хрустальную тишину зала прорезал безжалостный голос:

— Это скверна, которой не место в подлунном мире.

Приговор вынес сам верховный бессмертный.

В то же мгновение взгляды присутствующих обледенели. Невыносимая духовная аура Юньхуа Сяньцзюня обрушилась на Лэн Е, лишив его возможности дышать и шевелиться. Он замер, скованный по рукам и ногам, беззащитный перед волнами презрения и ненависти, струящимися со всех сторон. А величественный небожитель медленно, размеренно приближался к нему.

Но в миг, когда Юньхуа Сяньцзюнь занес над ним ладонь для карающего удара, до слуха Лэн Е донесся тихий, до боли знакомый голос:

— Довольно.

Это заговорил его спутник.

— Отпусти его.

Юноша скользнул равнодушным взглядом по распластанному на полу Лэн Е, чьи глаза налились кровью от непомерного давления, и произнес это так просто, словно просил о пустяке.

Эти будничные слова мгновенно сорвали маску благолепия с лица владыки. Бессмертный лорд Облачного Великолепия изменился в лице, утратив бывшее величие. Он вперил в Лэн Е яростный взгляд, способный, казалось, рассечь плоть почище любого меча.

Смерив распластанного заклинателя уничтожающим взглядом, Юньхуа Сяньцзюнь повернулся к прекрасному юноше и сквозь зубы процедил:

— Хорошо. Но ты вернешься со мной.

Лэн Е отчетливо видел, как белки глаз великого бессмертного налились багровой сеткой сосудов, а благородные черты исказила дикая, почти звериная гримаса. Его спутник же остался безучастным. Он лишь медленно и плавно склонил голову в знак согласия.

«Значит, слухи не лгали...»

Эта мысль обожгла разум Лэн Е. Но следом за ней пришло леденящее осознание: ради его спасения юноша добровольно обрек себя на пленение. Из последних сил преодолевая сковывающее тело давление, Лэн Е попытался пошевелить онемевшими пальцами и беззвучно приоткрыл рот, отчаянно сиюсь заговорить.

Его тщетные попытки привлекли внимание юноши. Тот на мгновение задумался, а затем вновь перевел взгляд на владыку.

— Из-за своего врожденного изъяна он скоро умрет. Он просит тебя исцелить его.

Спутник озвучил ту самую сокровенную просьбу, которую Лэн Е так мечтал высказать сам.

— Я бессилен, — лицо Юньхуа Сяньцзюня исказилось еще сильнее, потемнев от сдерживаемого гнева, словно на него пала грозная тень. — Да и сам ты прекрасно знаешь: будь у меня хоть тысяча способов спасти этого червя, я бы не шевельнул и пальцем.

Услышав отказ, юноша спокойно опустил глаза на бледного от невыносимого давления Лэн Е и негромко обронил:

— Вот видишь. Он не станет тебе помогать.

«Я хотел попросить совсем о другом!..»

Лэн Е снова зашевелил губами, но горло словно забило пеплом. Ему оставалось лишь беспомощно наблюдать, как великий бессмертный подходит к юноше и, уводя его прочь, бросает ледяные слова:

— Сам я не оскверню рук его кровью, и до поры запрещаю это делать остальным. Но ровно через месяц на его голову будет объявлена великая охота.

Жестокая милость, сулившая лишь отсрочку неизбежного конца.

С того дня жизнь Лэн Е превратилась в непрекращающийся кошмар. Преданный бывшими соратниками и лишенный надежды, он метался по Миру совершенствующихся, уходя от бесконечных погонь. Мир вокруг оцетинился клинками; у него не осталось ни друзей, ни пристанища.

В отчаянной попытке разорвать оковы проклятия, угасающий заклинатель ухватился за последнюю соломинку — старинные хроники, в которых упоминалось о древнем божестве, чье существование давно считалось лишь красивой сказкой.

Преодолев сотни смертельных ловушек и оторвавшись от преследователей, Лэн Е добыл Сферу общения с духами. Путь привел его к заброшенному чертогу, сокрытому в облаках, где, по преданиям, спал древний бог.

Там, посреди безмолвного величия руин, он вновь увидел своего давнего спутника.

— Дивишься встрече? — в голосе юноши не было и тени удивления. Разгадав немой вопрос в глазах Лэн Е, он тихо пояснил: — Мое явление в мире смертных было следствием древнего проклятия. Тот, кто наложил его, обрек меня влачить жалкое существование в пыли земной удоли, пока прах и мирские пороки не осквернят мою суть, обратив в демона.

Лэн Е замер в ошеломлении, но в правдивости этих слов сомневаться не приходилось.

Теперь поведение Юньхуа Сяньцзюня обрело зловещую ясность. Не будь на то воли рока, великий бессмертный увёл бы юношу в свои чертоги давным-давно. Какая-то неведомая сила сдерживала его, заставляя выжидать и таиться.

И все же один вопрос не давал Лэн Е покоя. Сведя брови у переносицы, он тихо спросил:

— Но разве под силу кому-то из живущих наложить проклятие на истинное божество? И почему... почему мне тогда удалось так легко увести тебя с собой?

— Разумеется, безумец заплатил за свою дерзость полную цену, — бесстрастно отозвался юноша. — Обратный удар небесной кары иссушил его удачу до капли. Отвергнутый Великим Дао, он сгинул в круговороте перерождений. Но тень проклятия пала и на его реинкарнацию:

законы мира стремятся стереть саму память о его существовании, обрекая душу на медленное угасание.

— Боги не всевластны, и законы мироздания им не обойти. Тот заклинатель скрепил свою клятву... — юноша запнулся, и в его ровном голосе впервые проскользнула едва заметная заминка: —...своей неизменной любовью.

— И как же разрушить эти путы? — машинально спросил Лэн Е, ощущая, как разрозненные детали мозаики в его голове наконец складываются в единую, пугающую картину.

— Как только угаснет его любовь, рухнет и само проклятие, — юноша отвел взгляд, устремив его куда-то вдаль, и тихо добавил: — Помнишь ли ты наши первые слова друг другу?

«У меня есть один способ спасти твою жизнь».

— Никогда не влюбляйся в меня.

Ведь лишь со смертью этой любви исчезнет и проклятие, унося с собой карающую длань небес.

<http://bllate.org/book/19562/1933825>